

Г Е О Р Г Г Е Г Е Л Ъ

Важнейшее произведение знаменитого немецкого философа

НАУКА ЛОГИКИ

ТОМ 2

Москва
2020

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Г27

Гегель, Георг.

Г27 Наука логики. Том 2 : [перевод с немецкого] /
Георг Гегель. — Москва : Эксмо, 2020. — 432 с.—
(Философия в кармане).

ISBN 978-5-04-110970-7

Георг Гегель — один из основоположников немецкой классической философии, создатель учения, построенного на принципах «абсолютного идеализма», диалектики, системности, историзма. Важнейшее место в его научной деятельности занимает произведение «Наука логики», в котором философ определяет основную задачу логики, исследует пути, ведущие к истине, а также развитие этих путей. Во второй том мы включили третью часть знаменитого труда — «Учение о понятии», в которую вошли три главных раздела: «Субъективность», «Объективность», «Идея».

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-04-110970-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

III

УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта часть логики, содержащая в себе *учение о понятии* и составляющая третью часть целого, выпускается под особым названием «*Система субъективной логики*»; мы это делаем для удобства тех друзей этой науки, которые привыкли более интересоваться рассматриваемыми здесь материями, входящими в состав обычной так называемой логики, чем теми дальнейшими логическими предметами, о которых мы трактовали в первых двух частях. По отношению к предыдущим частям я мог притязать на снисхождение справедливых судей ввиду малого числа подготовительных работ, которые могли бы доставить мне опору, материалы и путеводную нить для движения вперед. Выпуская настоящую часть, я смею притязать на снисхождение скорее по противоположному основанию, так как для логики *понятия* имеется налицо вполне готовый и отвердевший, можно сказать, окостеневший материал, и задача состоит в том, чтобы привести его в текучее состояние и снова возжечь живое понятие в таком мертвом материале. Если имеются свои трудности в предприятии построить в пустынной местности новый город, то в тех случаях, когда дело идет о новой распланировке старого, прочно построенного города, сохранившегося благодаря тому, что он никогда не оставался бесхозным и необитаемым, нет, правда, недостатка в материале, но зато встречаются тем большие препятствия другого рода; при этом приходится, между прочим, решиться не делать никакого употребления из значительной части того готового

материала, который, вообще говоря, признается ценным.

Но в первую очередь я должен сослаться в качестве извинения несовершенства выполнения на величие самого предмета. Ибо какой предмет возвышеннее для познания, чем сама *истина*¹. Однако сомнение насчет того, не нуждается ли в извинении именно этот предмет, не вполне неуместно, если вспомним тот смысл, в котором Пилат задал вопрос: что есть истина?² — как говорит поэт³, «с миной светского человека, близоруко, но с улыбкой осуждающего серьезное отношение к делу». В таком случае этот вопрос заключает в себе тот смысл (на который можно смотреть, как на момент светскости) и напоминание о том, что цель познания истины есть нечто такое, от чего, мол, как известно, давно отказались, с чем давно покончили, и что недостижимость истины есть, дескать, нечто общепризнанное также и среди профессиональных философов и логиков. Но если в наше время вопрос *религии* о ценности вещей, воззрений и действий, который по своему содержанию имеет тот же смысл, все более и более отвоевывает обратно свое право на существование, то и философия должна, конечно, надеяться, что уже больше не будут находить очень странным, если она снова, прежде всего в своей непосредственной области, будет настаивать на своей истинной цели и, после того как она опустилась до уровня других наук, уподобившись им по своим приемам и отсутствию притязания на истину, будет снова стремиться подняться к этой цели. Извиняться за эту попытку, собственно говоря, неизвинительно; но для извинения за несовершенство ее осуществления я разрешу себе еще заметить, что мои служебные дела и другие личные обстоятельства позволяли мне лишь спорадические занятия в области такой науки, которая требует и достойна непрерываемых и нераздельных усилий.

Нюрнберг, 21 июля 1816 г.

О ПОНЯТИИ ВООБЩЕ

Указать непосредственно, в чем состоит *природа понятия*, так же мало возможно, как невозможно установить непосредственно понятие какого бы то ни было другого предмета. Может, пожалуй, казаться, что для указания понятия какого-либо предмета уже предполагается в качестве предпосылки логическое и что поэтому последнее уже не может само, в свою очередь, ни иметь своей предпосылкой что-нибудь другое, ни быть чем-то выводным, подобно тому как в геометрии логические предложения в том виде, как они выступают в применении к величине и употребляются в этой науке, предпосылаются ей в форме *аксиом, не выведенных и не выводимых* определений познания. Но хотя мы должны смотреть на понятие не только как на *субъективную предпосылку*, а как на *абсолютную основу*, оно все же может быть таковой лишь постольку, поскольку оно сделало себя основой. Абстрактно-непосредственное есть, правда, нечто *первое*, но, как абстрактное, оно есть скорее нечто опосредствованное, основу которого, таким образом, мы, если желаем постигнуть его в его истине, еще должны отыскать. Эта основа, хотя она и должна поэтому быть чем-то непосредственным, должна все же быть этим непосредственным лишь таким образом, что она сделала себя непосредственной через снятие опосредствования.

Взятое с этой стороны *понятие* должно быть рассматриваемо прежде всего вообще как *третье* к *бытию* и *сущности*, к *непосредственному* и *рефлексии*. Бытие и сущность суть постольку моменты его *становления*; понятие же есть их *основа* и *истина*, как то тождество, в котором они затонули и содержатся. Они в нем содержатся, так как оно есть их *результат*, но содержатся уже не как *бытие* и *сущность*; это определение они имеют лишь постольку, поскольку они еще не возвратились в это их единство.

Объективная логика, рассматривающая бытие и сущность, составляет поэтому, собственно говоря, генетическую экспозицию понятия. Говоря точнее, уже субстанция представляет собой реальную сущность или сущность, поскольку она соединилась с бытием и вступила в действительность. Поэтому понятие имеет своей непосредственной предпосылкой субстанцию, она есть в себе то, что понятие есть как проявившееся. Диалектическое движение субстанции через причинность и взаимодействие есть поэтому непосредственный генезис понятия и изображает ход становления последнего. Но его становление, как и повсюду становление, имеет то значение, что оно есть рефлексия переходящего в свое основание и что кажущееся сперва другим, в которое перешло первое, составляет истину этого первого. Таким образом, понятие есть истина субстанции, а так как необходимость есть определенный способ отношения субстанции, то свобода оказывается истиной необходимости и способом отношения понятия.

Специально свойственным субстанции, необходимым дальнейшим ее определением служит полагание того, что есть в себе и для себя; и вот понятие есть абсолютное единство бытия и рефлексии, состоящее в том, что в-себе-и-для-себя-бытие есть лишь благодаря тому, что оно есть равным образом рефлексия или положенность, и что положенность есть в-себе-и-для-себя-бытие. Этот абстрактный результат находит себе разъяснение в изображении его конкретного генезиса; оно содержит в себе природу понятия; но оно должно было предшествовать рассмотрению последнего. Главные моменты этой экспозиции (рассмотренной подробно во второй книге «Объективной логики») должны быть поэтому здесь вкратце резюмированы.

Субстанция есть абсолютное, есть сущее в себе и для себя действительное: в себе — как простое тождество возможности и действительности, абсолютная сущность, содержащая внутри себя всяческую действи-

тельность и возможность; *для себя* — это тождество как абсолютная *мощь* или безоговорочно соотносящаяся с собой *отрицательность*. Движение субстанциальности, положенное через эти моменты, состоит в том, что:

1. Субстанция, как абсолютная мощь или соотносящаяся с собою *отрицательность*, дифференцирует себя так, что становится некоторым отношением, в котором они (моменты) суть сперва лишь простые моменты как *субстанции* и как первоначальные *предпосылки*. Определенное отношение между ними есть отношение между некоторой *пассивной* и некоторой *активной* субстанцией — между первоначальностью простого *в-себе-бытия*, которое, лишенное мощи, есть не полагающее само себя, а лишь первоначальная *положенность*, и *соотносящаяся с собой* отрицательностью, которая как таковая положила себя как другое и соотносится с *этим* другим. Это другое именно и есть пассивная субстанция, которую она в первоначальности своей мощи *пред-положила* себе как условие. Это пред-полагание следует понимать так, что движение самой субстанции совершается ближайшим образом под формой одного из моментов ее понятия, под формой *в-себе-бытия*, что определенность одной из находящихся между собой в отношении *субстанций* есть вместе с тем и определенность самого этого *отношения*.

2. Вторым моментом служит *для-себя-бытие*, или, иначе говоря, он состоит в том, что мощь полагает *себя* как соотносящую *себя с самой собой* отрицательность и тем самым вновь снимает *пред-положенное*. Активная субстанция есть *причина*; она *действует*; это означает, что она есть теперь *полагание*, подобно тому как перед тем она была *пред-полаганием*, означает, что: а) мощи сообщается также и *видимость* мощи, положенности также и *видимость* положенности. То, что в пред-полагании было *первоначальным*, становится в причинности *через соотношение с другим* тем, что оно есть в себе; причина производит действие, и притом в некоторой

другой субстанции; она есть теперь мощь *по отношению к некоторому другому*; постольку она *являет* себя как причина, но *есть* таковая лишь через этот процесс *явления*. б) В пассивную субстанцию привходит действие, вследствие чего она теперь также и *являет* себя как *положенность*, но *есть* пассивная субстанция впервые лишь в этом процессе.

3. Но здесь имеется еще нечто большее, чем только это *явление*, а именно: а) причина действует на пассивную субстанцию, *изменяет* (делает другим) ее определение; но последнее *есть* положенность, в ней нет ничего иного, что можно было бы изменять; а то, другое, определение, которое она получает, *есть* определение причинности; пассивная субстанция становится, следовательно, причиной, мощью и деятельностью. б) Действие *полагается* в ней причиной; но положенное причиной *есть* сама тождественная с собой в процессе действия причина; эта-то причина и ставит себя на место пассивной субстанции. Равным образом, что касается активной субстанции, то: а) воздействие *есть* перевод причины в действие, в ее *другое*, в положенность, и б) в действии причина обнаруживает себя тем, что она *есть*; действие тождественно с причиной, а не *есть* некоторое другое; причина, следовательно, обнаруживает в процессе действия положенность как то, что она *есть* по существу. Таким образом, каждое из этих определений³ становится *противоположностью* самого себя, и это имеет место с обеих сторон, т. е. как со стороны тождественного, так и со стороны отрицательного *соотнесения с ним его другого*; но каждое становится этой противоположностью так, что другое определение, следовательно, тоже каждое, *остается тождественным с самим собою*. Но и то и другое, и тождественное и отрицательное соотнесение, суть одно и то же; субстанция тождественна с самой собой лишь в своей противоположности, и это составляет абсолютное тождество субстанций, положенных как две. Актив-

ная субстанция проявляется как причина или первоначальная субстанциальность через процесс действия, т. е. когда она полагает себя как противоположность самой себя, что вместе с тем есть снятие ее *предположенного инобытия*, пассивной субстанции. Обратно, через процесс воздействия положенность проявляется как положенность, отрицательное — как отрицательное, и, стало быть, пассивная субстанция — как *соотносящаяся с собой* отрицательность; и причина в этом другом себя самой безоговорочно сливается лишь с собою. Следовательно, через это полагание *предположенная* или *сущая в себе* первоначальность становится *для себя*; но это в-себе-и-для-себя-бытие имеется лишь благодаря тому, что это полагание есть равным образом и *снятие* предположенного, или, иначе говоря, благодаря тому, что абсолютная субстанция возвратилась к себе самой лишь *из своей положенности* и *в своей положенности* и поэтому абсолютна. Это взаимодействие есть тем самым снова снимающее себя явление, заявление той *видимости* причинности, в которой причина имеет бытие как причина, что она есть *видимость*. Эта бесконечная рефлексия в самого себя, состоящая в том, что в-себе-и-для-себя-бытие есть лишь благодаря тому, что оно есть положенность, есть *завершение субстанции*. Но это завершение не есть уже сама *субстанция*, оно есть нечто более высокое, *понятие, субъект*. Переход отношения субстанциальности совершается по его собственной имманентной необходимости и есть не что иное, как проявление самой этой необходимости, проявление того, что понятие есть истина субстанциальности и что свобода есть истина необходимости.

Уже ранее, во второй книге объективной логики (стр. 432 и сл., примечание), было упомянуто, что философия, которая становится и продолжает стоять на точке зрения *субстанции*, есть *система Спинозы*. Там же мы вместе с тем вскрыли *неудовлетворительность* этой системы как по форме, так и по содержанию.

Но иное дело *опровержение* этой системы. Относительно опровержения какой-либо философской системы мы равным образом сделали в другом месте то общее замечание, что при этом следует отвергнуть превратное представление, будто система должна быть изображена как совершенно ложная, а *истинная* система, напротив, как *лишь противоположная* ложной. Из той связи, в которой здесь выступает система Спинозы, само собой выясняется настоящая точка зрения на нее и на вопрос о том, истинна ли она или ложна. Отношение субстанциальности породило себя через природу *сущности*; это отношение, равно как и его расширение до целой системы, есть поэтому *необходимая точка зрения*, на которую становится абсолютное. На такую точку зрения не следует поэтому смотреть как на некоторое мнение, как на субъективный, произвольный способ представления и мышления некоторого индивидуума, как на заблуждение спекуляции; напротив, последняя на своем пути необходимо перемещается на эту точку зрения, и постольку эта система совершенно истинна. Но *эта точка зрения не есть наивысшая*. Тем не менее система постольку не может рассматриваться как *ложная*, требующая *опровержения* и могущая быть опровергнутой, а в ней следует рассматривать как *ложное* лишь признание ее точки зрения за наивысшую. *Истинная система* не может поэтому и находиться к ней в таком отношении, что она лишь *противоположна* последней; ибо в таком случае эта противоположная система сама была бы односторонней. Напротив, как более высокая, она должна содержать в себе низшую.

Далее, опровержение не должно приходить извне, т. е. не должно исходить из допущений, лежащих вне опровергаемой системы, допущений, которым последняя не соответствует. В этом случае опровергаемой системе нужно только не признавать этих допущений; *недостаток* есть недостаток лишь для того, кто исходит из основанных на них потребностей и требований.

В этом смысле была высказана мысль, что для того, кто не решил для себя положительно вопроса о свободе и самостоятельности самосознательного субъекта и не исходит из этой предпосылки, не может иметь места никакое опровержение Спинозизма⁴. Да и, кроме того, такая высокая и в самой себе уже такая *богатая* точка зрения, как отношение субстанциальности, не игнорирует эти допущения, а тоже содержит их в себе: одним из атрибутов Спинозовской субстанции служит *мышление*. Эта точка зрения, наоборот, умеет растворить определения, под которыми эти допущения противоречат ей, и вовлечь их в себя, так что они выступают *в этой же системе*, но в соответствующих ей модификациях. Нерв внешнего опровержения покоится в таком случае лишь на том, чтобы со своей стороны упорно и твердо настаивать на противоположных формах указанных допущений, например на абсолютном самодовлении мыслящего индивидуума — в противоположность той форме, в какой мышление полагается тождественным с протяжением в абсолютной субстанции. Истинное опровержение должно вникнуть в сильную сторону противника и стать в диапазоне этой силы; нападать же на него вне его сферы и одерживать над ним верх там, где его нет, не помогает делу. Единственное опровержение Спинозизма может поэтому состоять лишь в том, что его точка зрения признается, во-первых, существенной и необходимой, но что, во-вторых, эта точка зрения, исходя *из нее же самой*, поднимается на уровень более высокой точки зрения. Отношение субстанциальности, рассматриваемое всецело лишь *в себе самом и само по себе*, переводит себя в свою противоположность, в *понятие*. Поэтому содержащаяся в предыдущей книге экспозиция субстанции, приводящая к *понятию*, есть единственное и истинное опровержение Спинозизма. Она есть *раскрытие* субстанции, а это раскрытие есть *генезис понятия*, главные моменты которого резюмированы выше.

Единство субстанции есть ее отношение *необходимости*; но последняя есть, таким образом, лишь *внутренняя необходимость*; *полагая себя* через момент *абсолютной отрицательности*, она становится *проявившимся* или *положенным* тождеством и тем самым *свободой*, которая есть тождество понятия. Понятие, как получающаяся из взаимодействия *тотальность*, есть единство *обеих* взаимодействующих *субстанций*, но такое единство, при котором они отныне принадлежат свободе, поскольку они теперь уже обладают тождеством не как чем-то слепым, т. е. *внутренним*, а имеют, по существу, определение быть *видимостью* или моментами рефлексии; вследствие чего каждая столь же непосредственно слилась со своим другим или со своей положенностью и каждая содержит свою положенность *внутри себя самой* и, стало быть, положена в своем другом безоговорочно лишь как тождественная с собой.

В *понятии* открылось поэтому царство *свободы*. Понятие есть свободное (das Freie), потому что то *в-себе-и-для-себя-сущее тождество*, которое составляет необходимость субстанции, выступает вместе с тем как снятое или как *положенность*, а эта положенность, как соотносящаяся с самой собой, как раз и есть то тождество. Темнота друг для друга находящихся в причинном отношении субстанций исчезла, ибо первоначальность их самостоятельного существования перешла в положенность и благодаря этому стала прозрачной для себя самой *ясностью*; *первоначальная вещь*⁵ первоначальна лишь постольку, поскольку она есть *причина самой себя*, а это и есть *субстанция, освобожденная, чтобы стать понятием*.

Из этого для понятия сразу же вытекает следующее, более детальное определение. Так как *в-себе-и-для-себя-бытие* непосредственно выступает как *положенность*, то понятие в своем простом соотношении с самим собой есть абсолютная *определенность*, но такая определенность, которая, как соотносящаяся только

с собой, есть вместе с тем непосредственно простое тождество. Но это *соотношение определенности с самой собой*, как ее *слияние с собой*, есть равным образом и *отрицание определенности*, и понятие, как сказанное равенство с самим собой, есть *всеобщее*. Но это тождество имеет в равной мере и определение отрицательности; оно есть отрицание или определенность, которая соотносится с собой; взятое, таким образом, понятие есть *единичное*. Каждое из них есть тотальность, каждое содержит в себе определение другого, и поэтому указанные тотальности суть в такой же мере безоговорочно лишь *одна* тотальность, в какой это единство есть расщепление себя самого, превращение в свободную видимость указанной двойности — двойности, выступающей в различии *единичного* и *всеобщего* как совершенная противоположность, которая, однако, настолько есть *видимость*, что когда постигается и высказывается одно, то вместе с этим непосредственно постигается и высказывается другое.

Только что изложенное должно быть рассматриваемо как *понятие понятия*. Может показаться, что это понятие отступает от того, что обычно понимают под понятием, и нам можно было бы предъявить требование, чтобы мы указали, каким образом то, что здесь получилось как понятие, содержится в других представлениях или объяснениях. Однако, с одной стороны, здесь не может идти речь о подтверждении, основанном на *авторитете* обычного понимания; в науке понятия его содержание и определение может быть удостоверено исключительно только посредством *имманентной дедукции*, содержащей его генезис, и эта дедукция уже лежит позади нас. С другой же стороны, должно быть действительно возможно распознать в том, что обычно предлагается как понятие понятия, дедуцированное здесь понятие. Но не так-то легко найти то, что другие говорили о природе понятия. Ибо, по большей части, они вовсе не занимаются отыскиванием этой приро-